

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 38 (3222)

Вторник, 30 марта 1954 г.

Цена 40 коп.

Накануне летнего сезона

Летний спортивный сезон начинается в этом году рано. Уже 4 апреля был поднят флаг всеобщего футбольного чемпионата. Спустя две недели в Сухуми открылось соревнование на первенство Советского Союза по гимнастике. Как уже сообщалось в «Литературной газете», они проводятся не в зале, как обычно, а на открытом воздухе. Вызвано это тем, что впервые состязания на первенство мира, которые состоятся в июне в Риме, где участвует и наша команда, устраиваются на открытых площадках.

Что нового увидим мы в наступающем спортивном сезоне? Прежде всего — массовые спартакиады. В Ленинграде, например, предстоит спартакиада трех тысяч учащихся средних школ, ремесленных, суворовских и нахимовских училищ. Юные спортсмены будут оспаривать первенство по легкой атлетике, гимнастике, баскетболу, плаванию, велосипеду, стрельбе, волейболу. Во Львове в конце сезона для участия во всеобщей спартакиаде соберутся лучшие физкультурники. Возбуждается крупнейшее спортивное состязание — спартакиада спортсменов добровольных обществ профсоюзов.

Другая особенность наступающего сезона — все расширяющаяся география спортивных встреч. До сих пор всевозможные конные соревнования проводились в Москве. На этот раз они устраиваются в Ростове-на-Дону. Состязания на первенство СССР по подниманию тяжестей намечены в Петропавловске, по водному поло — Краснодаре, по стрельбе — Львове, по прыжкам в воду — Воронеж. В Ломбайской долине, на Кавказе, впервые летом организуется всеобщее состязание сластоумов. Большой интерес вызывают гонки на автомобилях и мотоциклах близ Ашхабада. Это будут заезды на побитые рекорды. Местом гонок выбраны так называемые такыры, представляющие собой ряд высохших озер, на которых можно развивать огромную скорость.

Нынешним летом советские спортсмены примут участие более чем в ста тысячах международных встреч. Наиболее крупная из них — первенство Европы по легкой атлетике — разыгрывается в столице Швейцарии Берне.

Матч Ботвинник — Смыслов

Содержательная была пятая партия матча на звание чемпиона мира по шахматам. Она протекала в увлекательной борьбе.

Немалое значение для развития шахматной мысли имеет новый план, предложенный Смысловым для белых в ответ на систему Ботвинника в славянской защите — грозное оружие чемпиона мира. Должна войти в теорию шахматной стратегии и идея Ботвинника, допущенного ослабление своих пешек и даже потерю одной из них ради создания мощного форпоста в неприятельском лагере. Таким образом, пятая партия содержала все то, чем привлекают нас шахматы.

Играя черными вторую и четвертую партии, Смыслов неудачно включал в свой дебютный репертуар новые системы. Не так-то просто заставить вражеского Ботвинника! И вот в шестой партии Смыслов вернулся к защите Грюнфельда, которую он обогатил исследованиями и неоднократно успешно применял.

Теперь уже Ботвинник пытался новым маневром сохранить перевес для белых, но это ему не удалось. Черные не только удержали шансы, но даже добились небольшого позиционного преимущества. В последовательной продолжительной борьбе Ботвинник пришлось приложить немало усилий, чтобы пресечь активность черных, после чего ничья стала неизбежной. В последнюю партию из серии Ботвинника — 4½ очка, у Смыслова — 1½. В первых двух встречах чемпион мира набрал 2 очка, в третьей и четвертой партиях — 1½, а в последних двух партиях — 1 очко.

Мастер Л. АБРАМОВ

С опозданием на два года

Недавно в книжных магазинах Москвы появилась небольшая книжка — «Лыжный спорт в СССР. Справочник за 1951/52 г.». Государственное издательство «Физкультура и спорт». Москва. 1953 г.

Попутатели, а это по большей части спортсмены и любители лыжного спорта, обращаются к продавцам: — А почему у вас нет справочника за 1952/53 год?

И это недоумение вполне понятно. «Лыжный спорт» в нашей социалистической стране стал подлинно народным и массовым видом спорта; — пишет автор — составитель справочника, заслуженный мастер спорта А. Немухин. Нам остается добавить, что последние победы советских лыжников на первенстве мира в Чехословакии еще более повысили интерес к лыжному спорту в нашей стране.

Может быть, справочник за 1951/52 г. залежался на складе и поэтому опоздал в книжные магазины? Ведь издательство сообщает, что ежегодный ежегодник является продолжением справочника «Лыжный спорт в СССР», выпущенного издательством «Физкультура и спорт» в 1951 году... Однако справочник, характеризующий лыжный спорт в дореволюционной России и в советское время по сезон 1950/51 г. включительно, действительно был издан в 1951 г. Но второго ежегодника читателю пришлось ждать более двух лет.

Чем это вызвано? На последней странице справочника можно прочесть, что материал был собран в набор 26 июня 1952 года, а подан к печати ровно через тринадцать с половиной месяцев, а именно 10 августа 1953 года. Прошло еще семь месяцев... Лишь после этого справочник поступил в магазины.

Издательство просит все замечания по настоящему справочнику направлять по адресу: Москва, М. Гнездинский пер., 3. Издательство «Физкультура и спорт». Что я и делаю через посредство «Литературной газеты».

К. ГРОЗИН,

студент Московского государственного университета

От редакции. При проверке письма тов. К. Грозина выяснилось, что и по другим видам спорта — легкой атлетике, плаванию, конькам и т. д. справочники выходят с опозданием на полтора-два года. Таким образом, они не дают возможности читателям быть в курсе последних достижений наших спортсменов.

Поездка в Египет

Из Москвы в Каир для встречи с египетскими тяжелоатлетами выехала команда советских штангистов. В составе команды — чемпионы мира И. Удолов, Н. Саксонов, А. Воробьев, чемпион олимпийских игр Т. Ломакин. Наши штангисты первыми из советских спортсменов посетят Египет. Они будут выступать в Каире, Александрии и других городах.

Праздник народных талантов

В эти дни на сцене Центрального дома работников искусств в Москве, где размещен штаб Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности, с утра до вечера демонстрируются самобытное народное творчество. Здесь проходят выступления лучших представителей сельской художественной самодеятельности краев, областей и автономных национальных республик Российской Федерации.

Левинский хороруд Ижемского района дома культуры Коми АССР сменял хороруд коллектив и ансамбль гусяров — колхозниц Еласовского района, Марийской АССР. Звучали старинные народные песни донских казаков в исполнении казачьего хора, которым руководит Е. Халаян, колхозник-мотоцист рыболовецкого колхоза имени Чапаева (хутор Обуховка Азовского района, Ростовской области), и современные песни — «Сосенка», созданная участниками хора села Большая Сосновка Молотовской области, и «Гуси», в которой колхозники Калужской области рассказывают о том, как вывели они новую породу гусей. За буржуйским народным танцем в исполнении Р. Федоровой, учительницы школы уезда Б. Бахтай Иркутской области, следовало выступление сельского симфонического оркестра в составе тридцати музыкантов-односельчан села Урульги, Карымского района, Читинской области. Большое разнообразие форм и жанров, яркую самобытность и высокое качество исполнения участников сельской художественной самодеятельности отмечали члены жюри смотра, являясь деятелями искусства.

Более двух тысяч певцов и танцоров, исполнителей на национальных инструментах, цетов, акробатов, завоевавших в этом году право выступать на заключительных концертах, гостят сейчас в столице. Они получают здесь творческую помощь и консультации.

Смотр народных талантов приближается к концу. Сейчас с большим успехом проходят итоговые концерты участников сельской самодеятельности.

Праздник народных талантов закончится 1 апреля большим концертом участников Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности в Государственном академическом Большом театре СССР.

Встреча в Доме литераторов

На днях в Центральном доме литераторов состоялась встреча писателей с делегатами XII съезда комсомола.

Лауреат Сталинской премии токарь-скоростник Н. Чикирев, Герои Социалистического Труда зенитчик Ферганского хлопководческого колхоза А. Юлдашева и комбайнер Краснодарского края В. Волчихин, редактор молодежной свердловской газеты «На смену» М. Пилипенко рассказали писателям о жизни и работе молодежи в колхозах и на производстве, высказали свои замечания о современной литературе.

Писатели Н. Грибачев, В. Захарченко, С. Кирсанов, Л. Глагол, Л. Ошанин, Б. Полевый, А. Чаковский и Н. Шпанов говорили о необходимости живой творческой связи и тесного дружеского контакта между писателями и комсомолом.

Позавчера в печати было опубликовано постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «Об увеличении производства зерна в 1954—1955 годах за счет освоения целинных и залежных земель».

Принятое в развитие решений состоявшегося недавно Пленума ЦК КПСС, это постановление дает конкретную и ясную программу работ по освоению новых земель в восточных и юго-восточных районах нашей страны.

Совет Министров СССР и ЦК КПСС обязали министерства, партийные, советские органы принять меры для создания необходимых бытовых и культурных условий работникам тракторных отрядов и бригад, осваивающих целинные земли.

В новых совхозах намечается строительство различных сооружений, как правило, на центральных усадьбах, а также на производственных участках. В целях повышения материальной заинтересованности колхозов, колхозников, работников МТС и совхозов предусмотрены поощрения за выполнение плана освоения новых земель и получение высоких урожаев.

Перед тружениками социалистического земледелия, перед всем советским народом поставлена большая государственная важности задача: за два года освоить целинные и залежные земли не менее чем на 13 миллионов гектаров и получить с этой площади в 1955 году 1.100—1.200 миллионов пудов зерна, в том числе 800—900 миллионов пудов товарного зерна. Уже в текущем году будет расширена площадь посева под зерновыми культурами на 2,3 миллиона гектаров.

Советские люди настойчиво принялись за осуществление программы, намеченной партией и правительством. В эти дни на восток непрерывным потоком идут эшелоны с новейшей техникой. Уже выехали и выезжают десятки тысяч молодых патриотов, механизаторов, специалистов, работников руководящего состава.

В районах освоения новых земель идет деятельная подготовка к весне. Отбираются наиболее плодородные целинные и залежные участки, комплектуются тракторные отряды, заготавливаются горючее. Пройдет немного времени, и на неоглядных степных просторах будут подняты первые гектары.

Выполнение грандиозной программы освоения миллионов гектаров новых земель — это подлинно всенародное дело.

Труженики городов, работники промышленности оказывают труженикам колхозного села всестороннюю помощь. Именно об этом свидетельствуют сообщения, публикуемые сегодня в нашей газете.

ЭКСПЕДИЦИИ УЧЕНЫХ ЛЕНИНГРАДА

Ученые Ленинграда — агробиологи, селекционеры, ботаники, почвоведы, — отсылая на критику по адресу сельскохозяйственной науки, прозвучавшую на Пленуме ЦК КПСС, активно включаются в разработку научных проблем, связанных с освоением целинных и залежных земель.

Во Всесоюзном институте растениеводства начаты изучение и отбор зерновых культур для селекции и внедрения их на вновь осваиваемых землях. Более пяти тысяч образцов семян твердой и мягкой пшеницы уже отправлено в районы Казахстана, Сибири, Поволжья и Северного Кавказа.

В начале апреля комплексная бригада, организованная Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, выехала в Казахстан, чтобы оказать помощь местным научным и сельскохозяйственным организациям в подборе земельных участков, в разработке агротехнических приемов возделывания новых земель. В состав бригады вошла и группа ученых института растениеводства.

Ученые Ботанического института имени В. Л. Комарова примут участие в работе большой комплексной экспедиции Академии наук СССР. Эта экспедиция отправляется в восточные районы страны и будет находиться там в течение двух ближайших лет. Она изучит опыт освоения новых земельных массивов, окажет помощь колхозам и местным земельным органам в работе по повышению плодородия целинных земель.

Ботаники входят также в состав двух научных бригад, созданных Академией наук СССР и отправившихся на Алтай и в Казахстан. В этих бригадах, кроме ленинградцев, — московские ученые — ботаники. Почвоведы института имени В. В. Докучаева и Института географии Академии наук СССР. Бригады начнут свою работу в ближайшие дни — казахстанская в Алма-Ате и сибирско-алтайская — в Новосибирске и Барнауле. ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

КОМСОМОЛЬСКИЕ ТРАКТОРЫ

Однажды, в дни подготовки к XII съезду ВЛКСМ, в комитете комсомола тракторного завода собралась группа юношей и девушек, решивших ехать на освоение целинных и залежных земель. Валентин Фролов, слесарь чугунолитейного цеха, беседуя с товарищами, мечтательно произнес:

— А хорошо бы на целинных землях работать на своих тракторах.

Эта мысль пришла всем по душе. Поддержал ее и комитет комсомола. Было решено силами заводской молодежи выпустить 26 дизельных тракторов, проехать направили их на новые земли Поволжья. В качестве трактористов командировать лучших комсомольцев-производственников.

Прошло время, и вот из ворот завода, отливая свежей краской, вышла 26 новых машин. На радиаторах были приварены красивые металлические флажки, а на кузовах атели любовно нарисованы комсомольские значки и надписи: «Сталинград — целинным землям». Вели машины слесарь Валентин Фролов, сборщик Иван Нестеров, токарь Тамара Васильева и другие молодые патриоты. Все они будут работать на машинах, созданных их же руками. Из железнодорожного вокзала отошел поезд с первой партией добровольцев-сталинградцев. К поезду были прицеплены грузовые платформы с 26 тракторами.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

ЭТИ ДОМА ДЛЯ ВАС

Пеновские, недлиновские, земцовские, западнодвинские, жарковские домостроители Великолукской области строят и отправляют в районы целинных земель добротные сборные дома.

На берегу одного из обширных верхневолжских озер раскинулось село Пеновское. Завод стандартных домов — одного из передовых предприятий области. Здесь, ни на минуту не смолкает мерный шум пиломатериала, гудение строгальных станков, визг фрез. Завод выполняет важный заказ — готовит для восточных районов страны десятки одноэтажных двух-, трех- и шестиквартирных жилых домов.

В конце прошлого месяца, — рассказывает начальник производственного отдела М. Должик, — мы уже отправили в Китайскую МТС Курганской области первую партию деталей стандартных домов. Сейчас почти полностью завершена отгрузка деталей для 24 домов. Хорошее жилье получат механизаторы. Например, одноквартирные и двухквартирные дома, в которых соответственно три и шесть комнат, будут иметь паровое отопление и многие другие удобства. Завод уже отгрузил дома в Омскую и Акмолинскую области, в районы Казахстана. В ближайшие дни на восток уедут еще 29 вагонов с деталями для 16 домов.

Скоро, очень скоро в пустынных ранее степях вырастат пахущие свежей смолистой сосной белие домики. Это для вас, пионеры новых земель, изготовили их великолукские домостроители. ВЕЛИКИЕ ЛУКИ. (Наш корр.)

Из Азербайджана на освоение целинных и залежных земель выехала большая группа молодежи, работавшей на бакинских нефтепромыслах. На снимке: продавцы отъезжающих комсомольцев на перроне Бакинского вокзала. Фото Ф. Шпелова

Французский народ ничего не забыл!

Сколько раз в году военных неудач или кровавых побед те, кто обязан был высоко держать французские знамя, или терли веру во Францию или предавали ее... В нескриповской трагедии «Итурд Шэ» (песню эту многие исследователи считают апокрифической) показан несчастный исход битвы при Пуатье, когда французский король Иоанн Добрый и наследный принц Карл были захвачены в плен. В уста Иоанна, будущего Карла V, английский драматург вкладывает слова, которые и сейчас нам влещки навязывают:

О, почему нет у меня другой отчины! Французы опозорены сегодня. Теперь над ними все глумиться будут.

В своей хронике Фруассар, который был на стороне бургундцев против французов и оказался таким образом союзником англичан, описал те далекие дни, и в его описании они до странности похожи на 1940 год. В прошлом веке Проспер Мериме, которого теперь больше знают по новелле «Кармен», чем по его патристическим чувствам, писал о хронике Фруассара: «Принадлежит ли вы к числу тех французов, у которых до сей поры нежит сердце от того, что битва при Пуатье была проиграна? У меня оно больше сжимается, когда я читаю Фруассара, и значительная часть удовольствия от литературных достоинств его хроники, какое полагается испытывать академику, пропадает для меня».

В сущности, мы разделяем мнение Мериме, и, конечно, не под влиянием националистического дурмана, а из-за того, что поражение шестнадцатой давности пробуждает в нас чувства, пережитые всего лишь четырнадцать лет назад, и возмезд французского принца: «О, почему нет у меня другой отчины?» — удивительно напоминает нам речи тех господ, которые нынче, предлагая поступить нашим национальным суверенитетом, бормочут на языке «европейского сообщества» то же, что говорились в дни Пуатье. Когда в Ла Палезе, в Пуатье или в Орлеане располагается военный лагерь иностранной армии, они готовы переменить родину, поскольку не в их силах переменить свою породу, которую имеют даже собаки.

В 1940 году Петан упрямился нас с покорностью думать каждое утро о поражении Франции и, бия себя в грудь, возлагать вину за это поражение на республику, на демократию, на Декларацию прав человека и гражданина... Нам настоятельно рекомендовалось подчиниться избранной расе повелителей — рыцарей бегловых ариев, победивших нас, как вояки эти самые ариицы, на целое тысячелетие.

А теперь Атлантический океан снова выдвинул дозвук — всечасно унизил Францию; требование это периодически излагается в американской прессе — от журнала «Лайф» до «Нью-Йорк трибюна». Не надо же обеспечить мировое господство американского образа жизни, американских товаров и долларовой цивилизации. А наши «наследные принцы», покаяясь этому требованию, вопят об упадке французской нации, о превращении господ янки и пока еще тайком, при друзьях, восклицают: «О, почему нет у меня другой отчины?»

Мы не поверили Петану. Не поверили этому маршалу, убеждавшему французов, что у них память коротка. Вопреки внешнему «сторим», мы считали, что Франция — это прежде всего французы. Родина — не безлюдная пустыня, а народ. И родина бессмертна именно потому, что бессмертен народ — так и называется книга одного советского писателя — «Народ бессмертен».

Можно насильственным путем изменить конституцию, режим, посадить в стране правителей с душой иностранцев, но нельзя переменить народ этой страны. Душа народа складывалась в течение веков, как итог неиссякающей, вечно возрождающейся жизни; пород народов традиций облекается в новых людях, народ — это непрерывная череда человеческих вестей», о которой так чудно говорит Мишле.¹

Народ никогда не скажет того, что мы восклицали наследный принц: «О, почему нет у меня другой отчины!», ибо он и есть отчина: он вовсе не знаменосец в блестящем придворном мундире, нет, он сам — знамя. И когда родина истекает кровью, это течет его кровь. И он знает, что величие нации — это его величие.

Так было всегда. И теперь совершается то же самое. Во Франции 1954 года лишь народ сохранил твердую убежденность в величии своей страны. В народе вы не услышите тех речей о мнимом вырождении нашей родины, какие гоббелсовский «Ангриф» и «Лайф» мастера Маккарти подсаживают иным французам, желающим переменить родину. И вполне естественно, что о величии Франции во всеуслышание заявил человек, о котором нельзя сказать по старинке, что «он вышел из народа», ибо он находится в головном отряде народа и является выразителем его чувств. Да, вполне естественно, что именно Морис Торез в своем выступлении в Дранси²

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе.

Мы публикуем сегодня статью выдающегося французского писателя Луи Арагона «Французский народ ничего не забыл!». Эта статья является страстным призывом к молодежи Франции — высоко нести знамя национальной независимости — и одновременно гневной отповедью тем, кто, вынашивая планы вовлечения Французской республики в «европейское оборонительное сообщество», стремится всячески унизить французский народ, сломить его волю к борьбе против законных создателей агрессивного блока в Европе

ПОБЕДА СМЕЛОЙ МЫСЛИ

Что нового приносит метод Д. Рыжкова науке и производству?

Метод новатора — всем токарям!

Генрих БОРТКЕВИЧ

Как только в нашей лаборатории была получена «Литературная газета» от 25 февраля со статьей «Победа смелой мысли» — о новом методе гашения вибрации при резании металлов, мы сразу же приступили к испытанию реза с виброгасящей фаской. Оказалось, что это, действительно, очень ценное предложение.

Для испытаний мы выбрали вал малой жесткости, при обработке которого можно было ожидать появления вибрации. Сначала я прочитал его проходным резцом обычной геометрии. Вал сильно вибрировал, или, как говорим мы на производстве, «дрожал». Тогда я сделал то, что рекомендует Д. Рыжков, — ослонил фаску на заднюю грань реза. Вибрация сразу же прекратилась. Я несколько раз менял условия обработки, но вибрация больше не была.

Каковы возможности практического применения нового метода? Резец с фаской, по-видимому, будет стабильным средством гашения вибрации и даст возможность во многих случаях отказаться от применения различных виброгасителей, обычно очень сложных по конструкции. Вопрос решен чрезвычайно остроумно. Правда, мы, токари, и раньше знали, что вибрацию можно гасить путем трения задней грани реза о поверхность детали. Но это достигалось установкой реза выше центра или уменьшением заднего угла.

Нужно, однако, учитывать, что стойкость реза будет несколько ниже. Все же я не сомневаюсь, что резец с виброгасящей фаской найдет повсеместное признание и распространение.

Как токарь, от всей души поздравляю Дмитрия Ивановича Рыжкова с еще одной важной победой в области резания металлов!

Начаты лабораторные исследования

Проф. И. КАПУСТИН, доценты Н. КАТЦ, А. МИЗЕРИ, А. МАСТЯКОВ

Узнав о пребывании в Москве Дмитрия Ивановича Рыжкова, мы пригласили его, как в свое время куйбышевского токаря Василия Колесова, на объединенное заседание кафедр технологии металлов и машиностроения Московского текстильного института и Всесоюзного заочного института текстильной и легкой промышленности. В лаборатории Д. Рыжков продемонстрировал свой метод гашения вибрации при резании металлов. И мы воочию убедились в том, какое мощное средство дал производству новатор.

Его комплексный метод гашения вибрации прост и общедоступен. Сотрудники кафедр вместе с Д. Рыжковым разработали план научных исследований и мероприятий по пропаганде и развитию его метода. Для практического показа метода новатора кафедры решили создать в лаборатории Московского текстильного института показательный участок, на котором будут обучаться студенты и производственники, желающие освоить новый метод гашения вибрации.

Кафедры включили в учебные программы вопросы гашения вибрации по методу

Д. Рыжкова. Для студентов, отъезжающих на практику, составляется инструкция по внедрению метода новатора на предприятиях. Прислушавшись к исследованию этого метода и научно-технические студенческие кружки.

Кроме этого, сотрудники кафедр в порядке творческого сотрудничества с машиностроительными заводами помогают предприятиям внедрять метод новатора.

Из практики металлообработки известно, что на целом ряде «старых» станков из-за возникновения вибрации нельзя было обрабатывать детали с большими скоростями резания, сохраняя при этом достаточную степень чистоты поверхности. Метод Д. Рыжкова позволяет использовать эти станки, включая таким образом крупный резерв в народное хозяйство страны. Однако все эти вопросы еще недостаточно научно исследованы и поэтому не использованы в полной мере.

Возможно, что в результате исследований ученых откроется новая область применения метода Д. Рыжкова — для гашения вибрации деталей различных машин.

Возможно, что в результате исследований ученых откроется новая область применения метода Д. Рыжкова — для гашения вибрации деталей различных машин.

Еще в два-три раза быстрее!

Василий КОЛЕСОВ

С пружиной виброгасящей конструкции Д. Рыжкова мы познакомились в самом начале прошлого года и сразу же стали его применять. Результаты — прекрасные! А сейчас новатор еще более порадовал нас своей виброгасящей фаской.

Как только у нас на заводе узнали из газеты об этой чудесной фаске, многие токари сделали ее на резах и опробовали в работе. Оказалось, что фаска в сочетании с виброгасителем того же новатора наденно гасит вибрацию.

Что же практически может дать метод Рыжкова? На этот вопрос хочется ответить так. Если скоростное или сильное резание позволяет сокра-

тить процесс обработки детали в два-три раза, то метод гашения вибрации Д. Рыжкова даст возможность сократить процесс обработки детали еще в два-три раза. Вот что практически может дать многим токарям метод новатора!

Конечно, нельзя представлять себе дело так, что метод Д. Рыжкова даст такие результаты при выполнении абсолютно всех видов токарных работ. Но во многих случаях будет именно так, как сказано выше.

Для скоростного и силового резания металлов открывается еще более широкая дорога в жизнь!

Открываются новые пути

М. КЛУШИН,
кандидат технических наук

Немало лет горьковский техник-новатор Д. Рыжков занят усовершенствованием методов скоростной обработки металлов. Он последовательно создавал для этой цели ряд инструментов и приспособлений. Его последнее достижение — виброгасящая фаска, — несомненно, окажет серьезное влияние на развитие теории и практики резания металлов.

Результаты применения виброгасящей фаски многосторонни. Виброгасящая фаска есть мощное средство преодоления низкочастотных вибраций, которые сдерживают распространение скоростного и силового резания. Успешная эксплуатация реза с виброгасящей фаской открывает новые возможности для создания инструментов с повышенной прочностью из резиновых элементов. Есть основание полагать, что некоторые научные выводы, сделанные ранее в этой области, придется развить далее.

Открытие Д. Рыжкова — яркий пример активного и сознательного использования закономерностей процесса резания. Как показали проведенные исследования, энергия, идущая при обычном резании колебаний, ныне, по-прежнему, направляется на осуществление самого процесса резания. Это, в конечном счете, ведет к затуханию колебаний.

В связи с применением виброгасящей фаски встает много исследовательских задач. В частности, следует расширить применение виброгасящей фаски на таких инструментах, как фрезы и развертки.

Несомненно, что советские ученые, внимательно относящиеся ко всему новому и передовому, успешно решат возникшие вопросы и вместе с работниками заводов разовьют дело, начатое новатором.

Правда, при малых подачах и малых глубинах резания, как показали наши опыты, он менее эффективен. Зато весьма надежен при скоростном и силовом резании металлов. Но проведенные испытания пока следует считать предварительными. Необходимо еще провести ряд дополнительных испытаний в более широком диапазоне изменения глубин резания, подач, скоростей резания, на различных материалах, при различных вариантах геометрии реза.

Эти исследования включены в план ближайших работ лаборатории резания металлов Киевского политехнического института. Параллельно будут производиться дальнейшие испытания этих резов и в производственных условиях.

Насколько я заметила, крупные специалисты по гуманитарным наукам оседают на периферии с большим трудом. Не приживаются, как говорится. В нашем городе, например, нет ни одного профессора, доктора филологических или исторических наук. А мои товарищи по кафедре, да и многие, кто я знаю из научной молодежи, хотят работать здесь, хотят здесь в хороших условиях вырасти!..

В Верхних Вишерах? Там еще некогда решительною была и Сысоева проживающая. И в тех местах не одно лето с диалектологическими экспедициями провела. Век край исколесили — на лошадах, на лодках, а больше пешком. Диалектологам такую цельную поднимать... И так и сформулировала тему своей кандидатской диссертации: «Говоры верхней Вишеры на современном этапе развития»; но это же только малость из того, что можно сделать для науки на местном материале! И на всесоюзном совещании диалектологов говорил об этом с товарищами из Иркутска, Ростова, Воронежа, других периферийных вузов, — о том же мечтают, в то же веруют, и трудники у нас примерно одинаковые.

С той же лингвистической литературой — очень тяжелое положение. Нособий, рекомендованных программ, в университетском книжном фонде нет. Мы уж в своих домашних библиотеках следили сюда и посылали вон в тот шкаф словарь, томик Потебни, Булаева, Шахматовых... Студенты их берут под расписку. Иван Михайлович судя только не обращался, чтобы в городе издали отделение Академкинга, ведь здесь нехватка, сотни научных работников, — никак не добиться. Счастье, что сам-то сумеет кое-что собрать, так мы от него пользуемся. Дает и цитирует. Без напоминаний, без вынужденной, а — с доброй сточкой с деловыми комментариями. Третей борозду, бросает глазами: дескать, а вы что имете высказать? Собственное суждение выработать! Знания у него солидные, так что приходится сильно тунуться. Главное, он умеет помочь прояснить свежую мысль. И по-настоящему обобщивать. Чтобы каждый довод был научной. Чувствовать руку, которая тебя направляет, — этого в наших условиях и переопределить нельзя! И ведь у Пана Михайловича студенткой была. Так прежде, чем прийти проверять, как я веду занятия, он моя лекция, в сущности, сам и подготовил. А разбирали..

ЖУРНАЛЫ В АПРЕЛЕ

Март подходит к концу. Через несколько дней выйдут в свет новые номера литературно-художественных журналов. В некоторых из них появятся имена, еще не известные в советской литературе. Молодая писательница Н. Аргунова выступит в «Знамени» со своей первой повестью «Двери раскрыты настежь», посвященная работникам советской торговли. Окончившая год назад Литературный институт ССП М. Ганина публикует в «Новом мире» свое первое крупное произведение «Первые испытания».

С далекой Чукотки и ее людьми знакомит читателя журнал «Дниро» повесть чукотского прозаика Ю. Рытхэу «Имя человека». Белорусский писатель А. Кулаковский печатает в журнале «Полдень» вторую часть своего романа «Растаемся не вдалеке».

С каждым месяцем все более прочное место в журналах занимают рассказы и очерки. Они появляются в «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Звезде», «Дниро» и «Полднии». В одном только «Дниро» печатается пять рассказов. Большинство очерков и рассказы посвящены колхозной теме. В их числе: «Победа» Д. Бремля («Октябрь»), «В колхозах» К. Коничева («Звезда»), «Поручили за всех» А. Михайловича («Знамя»), «Над Горными» Р. Соболенко — об одном из колхозов Брестской области, «Правда жизни» Я. Миско — о колхозе Минской области («Полдень») и другие.

Журналы продолжают и заканчивают печатание проведений — Ф. Гладкова «Волныца», А. Коптевой «Дружба», В. Лаиса «Поселок у моря», И. Чернева «Великий брат», С. Скарянец «Карпаты».

С новыми стихами и переводами выступают в четвертьях янтаря русские, украинские, белорусские, молдавские и грузинские поэты. В «Новом мире» читатели найдут цикл стихов А. Прокофьева «Заречье» и стихотворение С. Шипачева «Знамя» открываются стихами С. Чикована «Дорога дружбы». Здесь же будут помещены стихи Б. Пастернака из его романа «Доктор Живаго», стихи Я. Шпорты, В. Урина. В «Звезде» печатаются стихи П. Воронько (в переводе А. Прокофьева), В. Азарова, М. Левашова, А. Жарова, паролли Б. Кежуна; в «Витязне» — цикл стихов Т. Масенко, стихи П. Дорошюк, В. Бычко, А. Кашенельсона, А. Ющенко, большая подборка «Поэты Молдавии», в «Полднии» — три стиха В. Корбана, стихотворение М. Васильева, подборка стихов анжиских поэтов в переводе на белорусский язык; стихами Е. Евтушенко «Мать Марковского» и В. Антонова «Маяковский» отменяется в «Октябре» 24-я годовщина со дня смерти поэта.

В «Новом мире» под рубрикой «Проблемы науки» печатается статья академика А. Винтера и инженера А. Маркина «Энергетика в борьбе за изобилие»; в «Трибуна читателя» — отклик на статью Ф. Гладкова о культуре речи в отделе критики и библиографии — статья Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послесловной поэзии».

XII съезду ВЛКСМ посвящено выступление А. Жарова в журнале «Октябрь», где он вспоминает о первом съезде комсомола. В этом же номере — очерк о целинных землях Ю. Стрехнина «В предгорьях Алтая».

В разделе публицистики «Знамя» М. Панкратова выступает со статьей «В. И. Ленин о роли народных масс в социалистическом строительстве». В отделе «За рубежом» кинорежиссер Г. Александров — автор статьи «В Англии наших дней» — делится впечатлениями о своей зарубежной поездке.

Высказывания членов различных зарубежных делегаций о Советской Украине помещает «Витязне».

В журнале опубликован ряд материалов о русско-украинских культурных связях, о воссоединении Украины с Россией.

ПАМЯТИ Э. БАГРИЦКОГО

Литературная общественность Москвы отменила 20-летие со дня смерти выдающегося советского поэта Э. Багрицкого.

В Октябрьском зале Дома союзов состоялся вечер памяти поэта. Доклад о жизни и творчестве Э. Багрицкого сделала Вера Инбер.

В ЗАЩИТУ ЛЕСА

Время от времени в мой адрес приходят письма советских патриотов, подобные этому, полученному на днях из Нальчика, столицы Кабардинской АССР:

«Помогите приостановить варварское уничтожение лесов и прибрежных кустарников в Кабарде. Все попытки мои сделать это с помощью местных организаций не дают положительных результатов, — не помогают у нас в Кабарде, какое важное значение имеют леса для всей экономики республики, и прежде всего для ее сельского хозяйства».

Если бы возможно, напишите на основании моего материала в центральной прессе такой фельетон, чтобы жарко стало всем головопаятам, уничтожающим горные леса».

Глубокая тревога за будущее, какой пропитаны эти строки моего корреспондента, требует самого пристального внимания нашего общества и к вопросу о сохранении лесов и нашем отношении к нему. Участившиеся повсюду факты небрежного, расточительного, а порою просто преступного обращения с этим важнейшим источником народного благосостояния, вызывают боль и беспокойство у каждого честного, любящего свою родину, человека. Факты, рассказанные в письме Ю. И. Коса, повторяются и повседневно происходят не только в Кабарде.

Сегодня борьба за лес, борьба за решительный пересмотр установившихся норм обращения с лесом, вплотную смыкается с провозглашенной на XIX съезде КПСС борьбой за большой урожай, за поднятие благосостояния, за мобилизацию резервов, за увеличение количества продукции с каждого метра производственной площади, если разуметь под ней лесосеку.

Возникает срочная необходимость решительного отпора вредителям наших лесов. Не сомневаюсь, что советская общественность жарко откликнется на опубликованное письмо тов. Ю. Коса. Я прошу «Литературную газету» опубликовать его.

Пусть грозные голоса патриотов заставят задуматься и постережись всех, вольных и невольных, лесных головопаятов.

Леонид ЛЕОНОВ

Промадно значение леса в экономике страны. Большую роль играют леса в горных районах страны, в том числе и в Кабардинской АССР, где они не только служат надежным барьером против засухи, но поддерживают постоянный водный режим в многочисленных горных речках и источниках, выходящих потом на равнинные части республики и питающих пахотные земли. Еще большее значение приобретают здесь эти леса в борьбе с эрозией — со срывами плодородных слоев почвы, с опсылами, оползнями и оправами. Леса Кабарды, особенно леса предгорий и речных пойм, состоящие, главным образом, из диких плодовых деревьев и кустарников, дают и ценную пищевую продукцию для промышленной переработки.

Еще несколько лет назад все склоны, холмы и пригорья, а также поймы рек и ручьев в близлежащих окрестностях Нальчика и прилегающих к нему селений были покрыты прекрасными лесами из кавказской группы, восточной абхазской и дикой черешни, кувриными родами из мушмулы и алычи, зарослями облепихи, князика и терна. Почти под каждым склоном, а каждой балочке журчали многочисленные ручейки и источники, которые поили своей животельной влагой колхозные земли.

Это плодородие из диких плодовых лесов и роц вокруг Нальчика придавало особую красоту столице Кабарды, делало ее привлекательным курортным и туристским центром. Но постепенно почти все эти леса были вырублены, живописные роцы и заросли уничтожены, крутые склоны и берега рек обнажены. Источники, ручьи и даже целые речки высохли.

Такая же печальную картину мы видим вокруг других населенных пунктов Кабарды. Так, например, большое селение Бельже, Нальчикского района, еще недавно утопавшее в живописных роцах, ныне стало почти голым, а жители удивляются, почему так трудно стало с питьевой водой, почему подходящая к селению плодородная речка почти целиком высохла... Истребление защитных лесов и зарослей не замедлило отразиться на экономике республики. Увеличились процессы эрозии, многие хозяйственно-полезные площади из-за недостатка влаги и смыва плодородных слоев почвы стали давать более низкие урожаи, а другие участки заброшены, превращены в бросовые земли.

Все это происходит оттого, что ни правления колхозов, ни райисполкомы не интересуются защитой колхозных лесов и прибрежных зарослей.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Вместо того, чтобы при расширении посевных площадей освободить от леса отдельные плоские плато и дологи косогоры, оставляя лес для защиты от засухи и эрозии по крутым склонам, на гребнях холмов и по берегам рек, здесь рубят и корчуют все подряд.

Молодой преподаватель вуза

Молодой преподаватель вуза

— С заведующим кафедрой тоже беседовали? Обо мне? Интересно... И что сказал Иван Михайлович? Нет, недостатка какие отменял? Говорит, что знания у меня скорее шире, чем вглубь идут... Франциска Леонтьевна Скитова словно бы ослепла и смолкла. Скользнула взглядом по вази древнерусских слов, тонко выведенных мелом на доске, оглядела столы и стулья, сдвинувшие со своих мест... Разговор происходил в кабинете языковедения Молодого государственного университета. И было похоже на то, что замечание заведующего кафедрой, так нехотя переданное и создавшее замкнутую, напомнил молодой преподавательнице только что прочитанную лекцию... Что-то тревожное промелькнуло в ее созвучном лице.

— Вот вы прежде замечали, что студенты на качество наших лекций не жалуются, — начала Франциска Леонтьевна после паузы. — Приятно, конечно. Между прочим, инспекторские товарищи тоже любят это подслушивать. В виде поощрения... А между собой мы больше всего о том говорим, что вы Иван Михайловичи выказали, — о наших собственных знаниях. У нас кафедра молодежная, но ведь не было случая, чтобы руководители ректората всерьез этим заинтересовались. Чтобы по-хозяйски разобрались в обстоятельствах, которые в наших условиях формируют молодого ученого. Из молодежи, работающей сейчас на периферии, целое поколение ученых вырастает, верно? И то, что знания идут скорее шире, чем вглубь, не одну меня волнует.

Посмотрите, что получается. Нагрузка на рядового преподавателя — от 720 до 840 часов в год. Получаю я воду пять лекций, и это считается в порядке вещей. Но скажите, что было в первый год делать, когда вчерашняя студентка впервые поднимается на кафедру, а на нее семь язы-

ков дисциплин звала? Семь курсов! И хоть бы один из них, хоть бы вечер был подготовлен... Шла на занятия, как в омут головой, честное слово, даже страха не было, только стыд да злость в наши студенты слушают? Последнего слова науки жаждут. Чтобы самостоятельность в мыслях, владение материалом, форма изложения... Чуть ошиблась в ударении — шестюток по ряду. У-ли-вер-си-тет! А у меня в памяти только мои студенческие конспекты да еще что за ночь успела из разных мест нахватать. Как тут быть?

В других вузах преподаватели значительную часть нагрузки выполняют за счет практических занятий. И часы набегают и время высвобождается: можно к другим занятиям готовиться. У нас же каждая пара часов в расписании — новая лекция. Ее надо разработать, написать. Представляет?

Вы с историками побеседуйте. Со Сметаниным, например, Станиславом Инокентьевичем. Стаж? Да он у меня студенткой был! А теперь читает: историю Грузии, по которой в городе на одной книге нет, а хороших учебников вообще не создано, историко-экономическое — профессору был этот курс вест! — да ныне еще тридцать часов по палеографии должен быть взят? — надо же выполнить нагрузку... Вот в таких условиях и приходится параничивать знания, разве они пойдут вглубь? Вместо того, чтобы прочные корни в науку цуцкаты, намочен вешесью.

Конечно, всякое начало трудно, но именно о последнем говорю. В эти первые годы самостоятельной работы наш «академический профиль» получает окончательную чеканку, а рисунок, как видите, возникает весьма разнородный. Что, по-моему, нужно сделать? Предоставить заведующему кафедрой право по своему усмотрению варьировать объем педагогической и научной работы для каждого. А три-четыре года углубленного труда над курсами, без этой лихорадки, без вечно-го страха перед лекцией, которую кончается готовить в восемь утра, а примерно додумываются уже в трамвае, — тогда, тогда бы мы в глазах Ивана Михайловича по-другому выглядели!

Посмотрите, что получается. Нагрузка на рядового преподавателя — от 720 до 840 часов в год. Получаю я воду пять лекций, и это считается в порядке вещей. Но скажите, что было в первый год делать, когда вчерашняя студентка впервые поднимается на кафедру, а на нее семь язы-

ков дисциплин звала? Семь курсов! И хоть бы один из них, хоть бы вечер был подготовлен... Шла на занятия, как в омут головой, честное слово, даже страха не было, только стыд да злость в наши студенты слушают? Последнего слова науки жаждут. Чтобы самостоятельность в мыслях, владение материалом, форма изложения... Чуть ошиблась в ударении — шестюток по ряду. У-ли-вер-си-тет! А у меня в памяти только мои студенческие конспекты да еще что за ночь успела из разных мест нахватать. Как тут быть?

В других вузах преподаватели значительную часть нагрузки выполняют за счет практических занятий. И часы набегают и время высвобождается: можно к другим занятиям готовиться. У нас же каждая пара часов в расписании — новая лекция. Ее надо разработать, написать. Представляет?

Вы с историками побеседуйте. Со Сметаниным, например, Станиславом Инокентьевичем. Стаж? Да он у меня студенткой был! А теперь читает: историю Грузии, по которой в городе на одной книге нет, а хороших учебников вообще не создано, историко-экономическое — профессору был этот курс вест! — да ныне еще тридцать часов по палеографии должен быть взят? — надо же выполнить нагрузку... Вот в таких условиях и приходится параничивать знания, разве они пойдут вглубь? Вместо того, чтобы прочные корни в науку цуцкаты, намочен вешесью.

Конечно, всякое начало трудно, но именно о последнем говорю. В эти первые годы самостоятельной работы наш «академический профиль» получает окончательную чеканку, а рисунок, как видите, возникает весьма разнородный. Что, по-моему, нужно сделать? Предоставить заведующему кафедрой право по своему усмотрению варьировать объем педагогической и научной работы для каждого. А три-четыре года углубленного труда над курсами, без этой лихорадки, без вечно-го страха перед лекцией, которую кончается готовить в восемь утра, а примерно додумываются уже в трамвае, — тогда, тогда бы мы в глазах Ивана Михайловича по-другому выглядели!

Посмотрите, что получается. Нагрузка на рядового преподавателя — от 720 до 840 часов в год. Получаю я воду пять лекций, и это считается в порядке вещей. Но скажите, что было в первый год делать, когда вчерашняя студентка впервые поднимается на кафедру, а на нее семь язы-

ков дисциплин звала? Семь курсов! И хоть бы один из них, хоть бы вечер был подготовлен... Шла на занятия, как в омут головой, честное слово, даже страха не было, только стыд да злость в наши студенты слушают? Последнего слова науки жаждут. Чтобы самостоятельность в мыслях, владение материалом, форма изложения... Чуть ошиблась в ударении — шестюток по ряду. У-ли-вер-си-тет! А у меня в памяти только мои студенческие конспекты да еще что за ночь успела из разных мест нахватать. Как тут быть?

В других вузах преподаватели значительную часть нагрузки выполняют за счет практических занятий. И часы набегают и время высвобождается: можно к другим занятиям готовиться. У нас же каждая пара часов в расписании — новая лекция. Ее надо разработать, написать. Представляет?

Вы с историками побеседуйте. Со Сметаниным, например, Станиславом Инокентьевичем. Стаж? Да он у меня студенткой был! А теперь читает: историю Грузии, по которой в городе на одной книге нет, а хороших учебников вообще не создано, историко-экономическое — профессору был этот курс вест! — да ныне еще тридцать часов по палеографии должен быть взят? — надо же выполнить нагрузку... Вот в таких условиях и приходится параничивать знания, разве они пойдут вглубь? Вместо того, чтобы прочные корни в науку цуцкаты, намочен вешесью.

Конечно, всякое начало трудно, но именно о последнем говорю. В эти первые годы самостоятельной работы наш «академический профиль» получает окончательную чеканку, а рисунок, как видите, возникает весьма разнородный. Что, по-моему, нужно сделать? Предоставить заведующему кафедрой право по своему усмотрению варьировать объем педагогической и научной работы для каждого. А три-четыре года углубленного труда над курсами, без этой лихорадки, без вечно-го страха перед лекцией, которую кончается готовить в восемь утра, а примерно додумываются уже в трамвае, — тогда, тогда бы мы в глазах Ивана Михайловича по-другому выглядели!

Посмотрите, что получается. Нагрузка на рядового преподавателя — от 720 до 840 часов в год. Получаю я воду пять лекций, и это считается в порядке вещей. Но скажите, что было в первый год делать, когда вчерашняя студентка впервые поднимается на кафедру, а на нее семь язы-

ков дисциплин звала? Семь курсов! И хоть бы один из них, хоть бы вечер был подготовлен... Шла на занятия, как в омут головой, честное слово, даже страха не было, только стыд да злость в наши студенты слушают? Последнего слова науки жаждут. Чтобы самостоятельность в мыслях, владение материалом, форма изложения... Чуть ошиблась в ударении — шестюток по ряду. У-ли-вер-си-тет! А у меня в памяти только мои студенческие конспекты да еще что за ночь успела из разных мест нахватать. Как тут быть?

В других вузах преподаватели значительную часть нагрузки выполняют за счет практических занятий. И часы набегают и время высвобождается: можно к другим занятиям готовиться. У нас же каждая пара часов в расписании — новая лекция. Ее надо разработать, написать. Представляет?

Вы с историками побеседуйте. Со Сметаниным, например, Станиславом Инокентьевичем. Стаж? Да он у меня студенткой был! А теперь читает: историю Грузии, по которой в городе на одной книге нет, а хороших учебников вообще не создано, историко-экономическое — профессору был этот курс вест! — да ныне еще тридцать часов по палеографии должен быть взят? — надо же выполнить нагрузку... Вот в таких условиях и приходится параничивать знания, разве они пойдут вглубь? Вместо того, чтобы прочные корни в науку цуцкаты, намочен вешесью.

Конечно, всякое начало трудно, но именно о последнем говорю. В эти первые годы самостоятельной работы наш «академический профиль» получает окончательную чеканку, а рисунок, как видите, возникает весьма разнородный. Что, по-моему, нужно сделать? Предоставить заведующему кафедрой право по своему усмотрению варьировать объем педагогической и научной работы для каждого. А три-четыре года углубленного труда над курсами, без этой лихорадки, без вечно-го страха перед лекцией, которую кончается готовить в восемь утра, а примерно додумываются уже в трамвае, — тогда, тогда бы мы в глазах Ивана Михайловича по-другому выглядели!

ПЕВЦЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Сейчас, когда во всем Советском Союзе отмечается 300-летие воссоединения Украины с Россией, особую радость вызывает выход двухтомного собрания сочинений Ярослава Галана, знаменитого писателя, который неустанно призывал народ Украины бережно хранить русско-украинскую дружбу, звал своих земляков к постоянной деятельности, в гневных, раздирающих памфлетах разоблачал предателей родины — украинских буржуазных националистов — наследников Мазепы и Петлюры.

Выступая в ноябре 1944 года на совещании интеллигенции Львовщины, Ярослав Галан заявил:

«Нам нельзя ни на минуту забывать, что национальная вражда — это оружие, которым особенно охотно пользуется враг. Борьба с ней — это значит спасать сердца и умы нашей молодежи...»

Пусть же каждый наш ребенок уже в самом начале его сознательного существования узнает священную правду о том, что во львовских свечах, в солдатских могилках наших освободителей спят воины Днепра и Волги, сыновья великих братских народов...

Когда мы видим, как, невзирая на войну, бугвалы из пепла возрождаются разрушенные врагом города и села, когда мы видим, как университеты снова становятся университетами, а театры — театрами, гриме, чем когда бы то ни было, звучат гордые слова Мажковского: «Я — гражданин Советского Союза».

Творчество Галана, направленное против агитации Ватикана и украинских буржуазных националистов, учит нас бдительности, разоблачает хищную, предательскую природу тех карликов «с залепанными от бессельной нежности бородами», что, независимо от их национальной окраски, «разбегались по Европе и карабкались на трибуны, чтобы оттуда проповедовать «крестовый поход» против страны Советов, в частности против Украинской Советской Социалистической Республики».

В памфлете «Мамелюки», написанном в конце июня 1945 года, Ярослав Галан заклеймил желтобрюхих «литераторов», сотрудничавших с гитлеровцами, продавших свое перо оккупантам. Поименованные писатели в памфлете националистические брошюры, ускользнув от мести народа, сейчас с тем же рвением, с какою служили они во Львове гестаповцам, обслуживают в Западной Германии и за океаном американскую и английскую разведку.

Опубликованные в двухтомнике лучшие образцы революционной публицистики Галана конца двадцатых и начала тридцатых годов, его статьи и памфлеты, которые он печатал в прогрессивном журнале «Вікна», дали нам возможность еще раз убедиться в том, что последовательность и принципиальность, с какими Галан как бесстрашный и убедительно боролся со «слухами тьмы», и в частности с Ватиканом, зародились в его характере давно, еще в те годы, когда он жил за пределами Советского государства. И в каждый новый ранний памфлет Ярослава Галана — это еще один зримый штрих, которым дорисовывается светлый образ писателя-борца, всегда действовавшего на переднем крае литературы.

Есть и другое большое достоинство в самом принципе составления двухтомника.

До недавнего времени мы знали Ярослава Галана, главным образом, как яростного и непримиримого обличителя украинских буржуазных националистов, международных поджигателей войны, всецелых неутолов, святош — всех тех, кто мешал трудящимся Украины и всему свободному человечеству провозгласить к свету, к прогрессу, к миру между народами. Рассказы Галана «Неизвестный Петро», «Казнь», «На мосту», «Целина» — это суровый приговор бывшим колонизаторам Западной Украины, которые принесли бесправие, ружья и смерть в этот край, издавна стремившийся к воссоединению с основным массивом украинского народа и с Россией.

Прочтя теперь оба тома произведений Галана, мы ощущаем, как меняется его голос, когда он вилотную сопереживает с советской действительностью. В его творчество широко входит тема родной жизни. И в газетных очерках, созданных во Львове в 1940—1941 и 1945—1949 годах, и в пьесе «Любовь на рассвете», написанной незадолго до смерти писателя, он вдохновенно славит советскую новь.

Галан настойчиво напоминает читателям, что огромными культурными и хозяйственными достижениями Украина обязана не только усилиям украинского народа, но в первую очередь своей неразрывной дружбе с русским народом (шикл львовских очерков). Острым глазом наблюдателя художника Галан умеет видеть проявления и результаты этой исторической дружбы как в малом, так и в больших делах, и доказывает, что только этот единственный путь традиционной восточной дружбы с Россией может привести его родной украинский народ к еще большому расцвету.

«Любить Москву — это значит любить человечество, верить в него, верить в его завтрашний день и ради этого дня работать, бороться, а если нужно — погибнуть в бою», — заявил Галан в блестящем очерке, посвященном 800-летию Москвы.

Закладывая в своих пролетарских интернационалист Ярослав Галан обращает свои слова и к другим братским славянским народам, в частности, к народу свободной Польши. В двухтомнике опубликован очерк

Ярослав Галан. «Творцы». В двух томах. Держлітвидав. Київ. 1953.

Галана «В общей борьбе» (1945 год), обращенный к польскому народу. Очерк заключает в себя слова: «Если сегодня, в дни, которые будут решать, возможно, и судьбы столетий, вместе с нами идут и поляки, идут за правду; то это неперевозимый признак, что будущее — хорошее и горючее, будет действительно нашим и их будущим, как наша свобода становится их свободой: так что судьба их грядущих поколений не будет судьбой их отцов, судьбой — гонимых словами польского поэта — «знамен, разрываемых бурей», а будет тем, что мы называем простым и великим человеческим счастьем».

Ярослав Галан оставил нам не только богатое идейно и образно литературное наследие, но и ключ от своей литературной лаборатории. Мы имеем в виду впервые публикуемые для широкого читателя заметки «Моя работа в Нюрнберге».

«Я журналист-любитель», — сообщает в них Я. Галан, — и хотя немало поработал в прессе, однако, только получив командировку в Нюрнберг, узнал, чем это пахнет. Задача была очень ответственная и чрезвычайно тяжелой...

Я сказал себе: надо дать читателю новый, интересный и поучительный материал. Надо по той бы то ни стало изобрести шаблон, шаблона, повторения тех же самых мыслей, фраз, эпитетов, особенно эпитетов, учитывая, что без них тяжело обитать, когда речь идет, скажем, о Геринге.

Не менее важным вопросом была форма подачи материала. Я думал: надо писать правду и только правду, в большом и малом. Минимум собственных рассуждений, которые могут либо заинтересовать читателя, либо нет, минимум, необходимый для того, чтобы заставить рассуждать самого читателя. Максимум спокойного тона, без ругани, чтобы читатель не подумал: Юлигер сердится, потому что неправ. Как можно меньше стилистических деталей, вращенных на обильной ниве энциклопедий (глядящие, мол, как много я знаю), чтобы среди них не растерять правду и смысл, сократить до минимума пафос, ибо женщина и читатель лишь тогда верят слову «люблю», когда оно сказано тихо и просто...

В этих заметках — весь Галан, строгий и выскатый художник, чутко прислушивающийся к советскому читателю, любящий его, не желающий пенной слезок со своей совестью обманывать доверие читателя.

Опираясь на это «кредо» Галана, будущие исследователи его писательского пути получают возможность глубоко и поучительно раскрыть «святой святых» творческий лабораторный прекрасный писателя-бойца, одного из талантливых продолжателей в советской украинской литературе лучших традиций М. Горького и В. Маяковского.

Благодаря добросовестной и вдумчивой работе составителей и авторов примечаний Б. Бурака и Г. Кулинич читатели получили книгу, во много раз превосходящую по объему все прижизненные и посмертные публикации произведений писателя. Достаточно сказать, что около 50 произведений самых различных жанров либо впервые издаются в советской печати, либо публиковались ранее только на страницах газет и журналов.

Но и двухтомник еще далеко не полно представляет творчество Я. Галана.

Обойденными оказались почти все произведения Галана, написанные на польском языке. Между тем из одних только театральных рецензий, которые Ярослав Галан регулярно печатал в газете «Червоний штаблер» (орган Львовского обкома КП(б)У), можно было бы составить целую книгу и отразить в ней взгляды писателя на театр. Не попали в двухтомник и многие памфлеты, напечатанные в «Червонем штаблере»; не представлена публицистическая работа писателя в польской прогрессивной газете «Дзясник популярны» в тридцатые годы в Польше.

Помещая в двухтомнике далеко не равноценные произведения писателя, которые, подобно пьесе «Вантаж», могут вызвать и разноречивые оценки, составители не включили в сборник весьма характерный для освещения идейных истоков творчества писателя, проникнутый глубокой симпатией автора к Великой Октябрьской социалистической революции ранний рассказ «В незабываемые дни».

Неопытными причинам не включены в сборник фельетоны на бытовые темы, в которых Галан на страницах львовских и Киевских газет и журналов беспощадно бичевал чиниш и бюрократов, мешающих полнокровной и радостной жизни освобожденного народа. А ведь эти фельетоны могли бы дополнить наше представление о Галане, как о чутком общественном деятеле, который повседневно жил интересами и нуждами трудящихся, интересовался и тем, чтобы хлебопашки Львова выпекали для населения высококачественный хлеб, и чтобы не было очередей у магазинов, и чтобы горсовет охранял зеленые насаждения.

Все это литературное наследие предостой освотить, прокомментировать и опубликовать составителям новых сборников.

Но главное уже сделано. Двухтомник Ярослава Галана — большой подарок советским людям всех национальностей к великому празднику, 300-летию воссоединения Украины с Россией. Хорошо, что на этом всенародном празднике скажет со страниц двухтомника свое веское, талантливое слово и Ярослав Галан — верный солдат революции и глашатай украинско-русской дружбы, утвердивший своей кровью, пролитой в бою с врагами, священное право на признание и любовь народа.

В Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова на фортепиано, оркестром, вокалом и хором отделились учатся 250 человек. На снимке: урок сольного пения проводит доцент, кандидат искусствоведческих наук Е. В. Милованова. Справа — студентка 4-го курса, Собиновская стипендиатка Лидия Моисеева. Фото С. Преображенского

Н. ГРИБАЧЕВ К весне

Скорей, весна, скорей иди!.. Чем старше Я становлюсь, чем жизни путь длинней, Тем от морозной суеты уставший, Сильнее жду твоих бодрящих дней

Твоих ручьев, твоих со стрех капели, Размокших троп, дымчатых дорог. Все кажется мне, будто на мостели Я сердцем, что ли, чуткою прордог,

И сверстники из тех, что на примете, Седуют, новой прихватуя зими... Куда девать приобретенны зны, Кому дарить, кому давать взаимы?

Друзья вздыхают: — и свонх в достатке, А молодым и не понять вполне, В какие жизни нас посылала схватки, Какой вели мы сев по целине,

Как экономили на сне и ласке, Как свет от напряженья мерки, Когда в пыли и гусеничном ялге Тащили к солнцу наш двадцатый век.

Все пиры были дали и просторы, Меж тем, и возраст брал свои права... Чем круче, тем задумчивее горы, Чем выше, тем более голова!

Иди ж, весна, к полям, рожать готовым, Зерныя снега, на реках днйгай лед. Пусть, как земля перед посевом новым, От зимней суеты сердце отойдет,

И хоть чуть-чуть смешна о том забота, Но пусть поучится в хороший час, Что и дуть на поет у рощи кто-то, Что под знаком кто-то ждет и нас!

Пародии и эпиграммы

ДРУЗЬЩИ ТОВАРИЩИ

Из детской повести

В этот день я получил девять птерок. И каждый ученик нашего класса — столько же. А вот Степа Бутылкин, который всегда был моим лучшим другом, схватил четверку по арифметике. После уроков Ольга Ивановна сказала, что Степа тянет назад все наше зпено, зпено зпено все 5-й «Б». А 5-й «Б» — всю школу. Я и сам понимал это. В результате безответственного отношения к учебе со стороны отдельных школьников снижается общий уровень успеваемости.

До самого вечера я все думал и думал и ничего придумать не мог. Тогда я пошел в гости к Людмиле Духты. Мы с ней дружили. Я научил ее играть в шахматы, а она меня учила вышивать по канве и на пляшках. Услышав про Степу Бутылкина, она сказала, что Степа иными нам додумался! И как я сам до этого не додумался!

Попел я к Степе. Дверь мне открыла стенина мама. Она улыбалась, наверно, она еще ничего не знала. Я бросился к Степе: «Неужели тебе не стыдно подводить целую школу? Вспомни о Василье Трубаеве! Вспомни о его товарищах!» — «Мне очень стыдно», — ответил Степа. — Но я всю эту неделю разрабатывал план электрификации пришкольного участка». — «Как, в одиночку?» — воскликнула мама. — И это мой сын! — «Я обещала исправиться», — прошептал Степа, и глаза его заблестели...

Через несколько дней на школьном дворе кипела работа. Я ставил столбы, Степа взбирался на них, Петя вытаскивал лампочки, Гена тянул провода, Митя спускался со столбов вниз. А потом Ольга Ивановна повернула выключатель, и сразу стало так светло, что все зпено доглядлось — сегодня Степа обязательно исправит свою четверку.

Б. БОРИСОВ
С. МИХАЛКОВУ

Он выежал и на ежах, И на ухах, и на чиках, И в всяких прочих птицах. И на седющих бобрах И молодых лисках.

Давно заметно по всему, Что служат без разбора На редкость преданно ему И фауна и флора.

Везли его и кот и мышь, Он ездил на собаках...

Сергею Михалкову лишь Не повезло на «Раках».

А. КОСТОВЕЦКИЙ
КИЕВ

О ПЕТЕНЬКАХ И ФЕДЕНЬКАХ

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Александр ДРОЗДОВ

Сто лет назад, разоблачая унылый дидактизм в современной ему детской литературе, Н. Г. Чернышевский создал целый ряд прославленных пародий. Одна из них читается так: «Феденька не любил учиться, а Петенька любил учиться. Феденька говорил: я сам все знаю, а Петенька говорил: ежиды и не стану учиться, но ничего не буду знать. Когда они выросли больше, Феденька ничего не знал, а Петенька стал умным человеком».

Как ни прискорбно, эта пародия не потеряла своей свежести и в наши дни. Сплошь да рядом появляются у нас книжки о Петеньке и Феденьке с той лишь разницей, что авторы вносят поправку на эпоху: с помощью комсомольца и родительского комитета Феденька исправляется раньше, чем успевают стать болельщиками, и к концу книжки уже ничем не отличается от Петеньки.

В основе такого подхода к детской литературе лежит убеждение в том, что формировать характер детей, их сознание и вкусы можно и должно, только скрывая от детей темные явления жизни (с которыми они, тем не менее, сталкиваются на каждом шагу), а светлые, поступательные явления изображая как нечто готовое, что дается людям без усилий, без борьбы. Героим повестей предельно самостоятельны: доцент, кандидат искусствоведческих наук Е. В. Милованова. Справа — студентка 4-го курса, Собиновская стипендиатка Лидия Моисеева.

Конечно, сторонники таких «теорий» никогда не имели преобладающего влияния. Будь это иначе, дети читали бы не повести, а иллюстрированные циркуляры с расценкой каждого нутника героя по пятибалльной системе. Этого идеала сходились от педагогики никогда не удавалось достичь. Партия, Советское государство всегда проявляли заботу о том, чтобы детская литература была идейна и художественна, чтобы она, опираясь на научно-педагогическую основу, осуществляла задачи коммунистического воспитания. Наша детская литература росла и развивалась на основе жизни, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, используя мысли и опыт выдающихся деятелей прошлого. Эта статья не ставит задачей вновь напомнить о достижениях советской детской литературы, состоявших в том, что мы знаем ее золотым фондом. Напомнить хочется об одном: этот золотой фонд складывался и накапливался не без борьбы с «ограничителями», чему примером служит творческая жизнь А. Макаренки.

В том, что ложные установки еще не изжиты, легко убедиться, прочтя последние произведения наших ведущих детских прозаиков: «Беспокойный человек» Л. Воронкова, «Норное имя» И. Ликстамова, «Над Волгой» М. Прилежева.

Эти книги известны миллионам юных читателей, о них написаны десятки хвалебных рецензий. В статьях Л. Касияла и А. Бруштейн, помещенных в «Литературной газете», тоже была отдана, как мне думается, дань умеренному благодушию. Но отграничив от иеричи оценок, которая так сильна в области литературы, надо прямо сказать, что эти книги, плод слепого писательского труда, производят впечатление двойственное. Как будто присутствуешь не столько при завершении литературного явления, сколько при наглядной борьбе реализмического письма и схематизации, то есть упрощения жизненных процессов. Каждая глава несет следы этой схватки, явно, неравной, потому что побеждает все-таки схематизм.

Именно поэтому, что побеждает схематизм, книги до странности похожи одна на другую. Разные художники писали их, разные объекты они брани: Ликстамов описал уральский городок с его школами и промышленностью, Прилежева — арославскую школу и шинный завод, Воронкова — подмосковный колхоз. И разные проблемы интересовали авторов: Воронкову — искания передовиков-животноводов, Ликстамова и Прилежеву — проблема личного и общественного в жизни детей, взаимоотношения ребят и взрослых. И тем не менее герои у них одинаковые, Ликстамовский Гена Фелестев — точный сколок с Юрия Вратина Прилежевой. Оба внешне-поставляют себя коллективу и, оставшись в одиночестве, под воздействием педагогов и среды, каются в своих заблуждениях, а затем возрождаются к правильной жизни.

Возьмем бабушку Луну из романа «Над Волгой», — с какой легкостью она переносит в повесть «Беспокойный человек» и действует там под именем бабушки Анны, хотя писательнице, надо думать, не сговаривались о равных правах на озну и ту же бабушку. И та же бабушка (как, впрочем, это любят делать старухи) отпиралась погостить к другим добрым людям, в повесть «Первое имя», где она и выступает под именем бабушки Ули.

Героев-близнецов поразительно много в детской литературе. Таковы: передовой учитель Анвар Андреевич у Прилежевой, передовой учитель Николай Павлович у Ликстамова, а раньше мы его видели в повести А. Мустова «Дом на горе»; безупречный учитель звался там Федором Семеновичем. Сюда же относятся и холдно-резонерствующие отцы. («О боевой солидарности рабочего класса учитель на уроке рассказывал?» — спрашивает отец сына в романе Прилежевой. — А ты на практике, братец мой, ес испытуй, во всю жизнь не забудешь»). Отец в повести Ликстамова, говоря о дружбе, продолжает в той же нотации: «Такого предмета в тебе у тебя нет, а это все же предмет главный. Ты должен его на «пять» сдать, чтобы среди нашего дружного народа не хуже других быть». Или всей их правильности художественная фальшь этих сентенций самоочевидна.

Такая искусственность построениями авторы не только испытывают, сколько паставляют. И вычерченной же можно лишь по точно вычерченной умозрительной схеме. Что надо доказать? Следует доказать, что в жизни торжествует новое и постепенно победает старое. Для доказательства берем отрицательного героя (Юрия, Гену, Василия Петровича, остальное рабочее Шугина и пр.). Затем берем положительных героев, талантливых, пытливых, коллективных воспитанных мальчиков и девочек, придуманных для них хороших матерей и отцов, сталкиваем их с хорошими производственниками (Метя Бунов, Поудуковом и пр.). Так как мы подождем «новое» и «старое» залегли промежуточные пространства, то берем героев, наделенных как положительными, так и отрицательными чертами. Создаем для всех подходящие обстоятельства и ситуации, чтобы они могли выносить заданные им функции. Докажем (обязательно!), откуда берутся плохие мальчики и девочки. Они берутся из неблагоприятных интеллигентных семей, где отцами — мещанами. Чтобы книга выполняла свою наставительную миссию, к концу ее обязательно переворачиваем отрицательных героев; пусть с последней страницы все сойдут хорошими и благонамеренными — не Феденьками, а Петеньками. Защем глаза на то, что в жизни среди людей, когда-то окончивших школу, найдутся изжившие трудовой народ, бюрократы, расхитители общественного добра, герои фельетонов «Лесовик» и прочих фельетонов в наших газетах. Пусть об этом говорит ребята сама жизнь, ей ведь на этот счет не накнишь пталов.

Наиболее разительным примером скоропалительного перевоспитания героини может служить история, которая приключилась с учительницей Гликерией Павловной из романа «Над Волгой». Бесталатная была учительница, незадачливая — не умела различить в ребятах огонька любознательности, талогатых классами и только в домашнем мещанском уюте находила радость жизни. Но вот довелось ей поехать в Сталинград. На один-два дня. Сохранение исторических мест чудом чудесным переделало ее. В течение суток все перевернулось в Гликерии Павловне: появилась горючность в работе, жажда знаний, открылся самобытный педагогический дар, обнаружился железный характер — ни Гликерии Павловны не узнать, ни ее шумного класса! Читая об этом простом и неумолимо, неудобо, горько — так откровенно обижает М. Прилежева свой антихудожественный, антипедагогический прием.

Так как схема есть схема, то и ситуация в книгах однообразна. Оплошно (и скучно) построены счастливые финалы: у Прилежевой — вечер на заводе, у Воронкова — строительство телитанки, у Ликстамова — праздник пуска новой школы. Поинти, при схематическом писании ни о типичности, ни о жизненных конфликтах говорить не приходится.

У каждого из указанных писателей своя творческая манера, свои стилистические пристрастия; это легко обнаружить в тех местах, где писатели остаются верными жизненной правде. Там же, где торжествует схематизм, язык вывернуто, обезличивается, и писатели сводят свою задачу к общедоступному построению грамматически правильных предложений. Всякая попытка расцветить такой язык приводит лишь к литературным штампам.

Л. Воронкова, человек чуткий к языку, повторяет из страницы в страницу такие сравнения: Нина, «белозубая» и «тобенская, как березка»; Анка, походящая в своей красной шапочке «на плотный подосиновый грибок». И Ликстамов в местах дидактических тоже терять дар образной речи и прибегает к полиграфической выразительности восклицательных знаков. «Рыбалка! — бордо окривилает он. — Что может быть прекраснее осенней рыбалки!» «Малухит, малухит! Есть, есть малухит!». К тем же средствам прибегает и М. Прилежева: «Все движется, все меняется! Кто бы поверил никогда, что это же тизак Леа стал общественно-деятельнейше!». «А ура, ура! — отпел хор восьмиклассников; от аплодисментов звякнули люстры», «Это был хороший, веселый и торжественный вечер!».

Примата наших высказываний дидактических, тем что М. Прилежева, И. Ликстамов и Л. Воронкова действительно талантливые люди, и есть огромная общая заинтересованность в том, чтобы они работали без насилия над своим талантом и вносили полноценный вклад в литературу для нашего юношества. Почему же книги их читаются, несмотря на все художественные недостатки и ошибки? Потому, что нет лунных? Да, но и потому также, что ложные установки не сумели заглушить ни таланта, ни порыва к правде, и эти натуральные качества художника сплошь да рядом разрывают схему и проявляются в ряде сцен и характеристик. В этом смысле показателна крупная частная удача Л. Воронковой. Она отлично выписала образ Марфы Рубленой. Все в этой властной, умной женщине естественно, выразительно и интересно. Писательница без всяких сентенций раскрывает драму хорошего человека, который вчера был первым, а сейчас стал остальным потому, что остановился в своем жизненном разбеге. Здесь Л. Воронкова обоблала того, что правый образ Марфы воспитывает и учит, чего она не смогла, естественно, добиться, выписывая ангельскую Катю и новгородного леда Антона явно по наущению «внутреннего» или внешнего редактора, который напичкал ей много вредных вещей. Такой постиженный, как образ Марфы, нет у М. Прилежевой. Нужно приоткрывать стремление писательницы создать произведение многоплановое, с широкими горизонтами и большим кругом вопросов, — словом, написать актуальный роман для юношества. И рассказать в этом романе о том, как многообразны интересы школь-

ной схеме. Что надо доказать? Следует доказать, что в жизни торжествует новое и постепенно победает старое. Для доказательства берем отрицательного героя (Юрия, Гену, Василия Петровича, остальное рабочее Шугина и пр.). Затем берем положительных героев, талантливых, пытливых, коллективных воспитанных мальчиков и девочек, придуманных для них хороших матерей и отцов, сталкиваем их с хорошими производственниками (Метя Бунов, Поудуковом и пр.). Так как мы подождем «новое» и «старое» залегли промежуточные пространства, то берем героев, наделенных как положительными, так и отрицательными чертами. Создаем для всех подходящие обстоятельства и ситуации, чтобы они могли выносить заданные им функции. Докажем (обязательно!), откуда берутся плохие мальчики и девочки. Они берутся из неблагоприятных интеллигентных семей, где отцами — мещанами. Чтобы книга выполняла свою наставительную миссию, к концу ее обязательно переворачиваем отрицательных героев; пусть с последней страницы все сойдут хорошими и благонамеренными — не Феденьками, а Петеньками. Защем глаза на то, что в жизни среди людей, когда-то окончивших школу, найдутся изжившие трудовой народ, бюрократы, расхитители общественного добра, герои фельетонов «Лесовик» и прочих фельетонов в наших газетах. Пусть об этом говорит ребята сама жизнь, ей ведь на этот счет не накнишь пталов.

Наиболее разительным примером скоропалительного перевоспитания героини может служить история, которая приключилась с учительницей Гликерией Павловной из романа «Над Волгой». Бесталатная была учительница, незадачливая — не умела различить в ребятах огонька любознательности, талогатых классами и только в домашнем мещанском уюте находила радость жизни. Но вот довелось ей поехать в Сталинград. На один-два дня. Сохранение исторических мест чудом чудесным переделало ее. В течение суток все перевернулось в Гликерии Павловне: появилась горючность в работе, жажда знаний, открылся самобытный педагогический дар, обнаружился железный характер — ни Гликерии Павловны не узнать, ни ее шумного класса! Читая об этом простом и неумолимо, неудобо, горько — так откровенно обижает М. Прилежева свой антихудожественный, антипедагогический прием.

Так как схема есть схема, то и ситуация в книгах однообразна. Оплошно (и скучно) построены счастливые финалы: у Прилежевой — вечер на заводе, у Воронкова — строительство телитанки, у Ликстамова — праздник пуска новой школы. Поинти, при схематическом писании ни о типичности, ни о жизненных конфликтах говорить не приходится.

У каждого из указанных писателей своя творческая манера, свои стилистические пристрастия; это легко обнаружить в тех местах, где писатели остаются верными жизненной правде. Там же, где торжествует схематизм, язык вывернуто, обезличивается, и писатели сводят свою задачу к общедоступному построению грамматически правильных предложений. Всякая попытка расцветить такой язык приводит лишь к литературным штампам.

Л. Воронкова, человек чуткий к языку, повторяет из страницы в страницу такие сравнения: Нина, «белозубая» и «тобенская, как березка»; Анка, походящая в своей красной шапочке «на плотный подосиновый грибок». И Ликстамов в местах дидактических тоже терять дар образной речи и прибегает к полиграфической выразительности восклицательных знаков. «Рыбалка! — бордо окривилает он. — Что может быть прекраснее осенней рыбалки!» «Малухит, малухит! Есть, есть малухит!». К тем же средствам прибегает и М. Прилежева: «Все движется, все меняется! Кто бы поверил никогда, что это же тизак Леа стал общественно-деятельнейше!». «А ура, ура! — отпел хор восьмиклассников; от аплодисментов звякнули люстры», «Это был хороший, веселый и торжественный вечер!».

Примата наших высказываний дидактических, тем что М. Прилежева, И. Ликстамов и Л. Воронкова действительно талантливые люди, и есть огромная общая заинтересованность в том, чтобы они работали без насилия над своим талантом и вносили полноценный вклад в литературу для нашего юношества. Почему же книги их читаются, несмотря на все художественные недостатки и ошибки? Потому, что нет лунных? Да, но и потому также, что ложные установки не сумели заглушить ни таланта, ни порыва к правде, и эти натуральные качества художника сплошь да рядом разрывают схему и проявляются в ряде сцен и характеристик. В этом смысле показателна крупная частная удача Л. Воронковой. Она отлично выписала образ Марфы Рубленой. Все в этой властной, умной женщине естественно, выразительно и интересно. Писательница без всяких сентенций раскрывает драму хорошего человека, который вчера был первым, а сейчас стал остальным потому, что остановился в своем жизненном разбеге. Здесь Л. Воронкова обоблала того, что правый образ Марфы воспитывает и учит, чего она не смогла, естественно, добиться, выписывая ангельскую Катю и новгородного леда Антона явно по наущению «внутреннего» или внешнего редактора, который напичкал ей много вредных вещей. Такой постиженный, как образ Марфы, нет у М. Прилежевой. Нужно приоткрывать стремление писательницы создать произведение многоплановое, с широкими горизонтами и большим кругом вопросов, — словом, написать актуальный роман для юношества. И рассказать в этом романе о том, как многообразны интересы школь-

ков, как органично включена их жизнь в жизнь города и — шире — в жизнь страны, как великая идея коммунизма зажигает их души в самом начале сознательного бытия. Но к чему бы писательница ни обратилась — к проблемам семьи, дружбы, учебы, непопулярности в труде, к искусству, борьбе за мир, — всюду с кафедрой, возмущенной в самом центре романа, раздается ее наставительный голос: «Ребята, следуйте атому примеру!». «А этому не следуйте, ребята, он собьет вас с пионерской стези!». Поэтому искренне радуемся тем образам, которые не подчинены указке паставницы и развились естественно, по законам своей художественной природы: например, образу Басюты, образу математика Петра Леонидовича.

У И. Ликстамова, писателя, несомненно, одаренного, именно в силу одаренности борьба реализма и схематизма носит особенно резкий характер. Он знает Урал и любовно пишет о нем. Почтины главы, посвященные описанию грандиозной мастерской или романтическому спасению Лени, заблудившейся в густом тумане. Но поэзия — не подвластная хозяйка в повести. Как и в романе М. Прилежевой, отовсюду слышен голос наставника. Особенно скучны мастер Григорий Васильевич и аксаковаторик Степан. Стремление держать нормативы «специальной» детской литературы, иллюстрирующей педагогические правила, унесло от искусства.

Детские писатели высказывают тревогу за общее состояние своей работы. Есть на чем призадуматься: за минувший год новых повестей появилось пачево мало, а идейно-художественный уровень их невысок. В среде детских писателей часто можно услышать жалобы на редакционную практику Детгиза. Не умалая огромной работы, которую Детгиз проводит, не следует ли от разговоров перейти к серьезному исследованию всего, что мешает творческому развитию детской литературы? Действительно ли, планомерно ли, при своем централизованном положении, осуществляет Детгиз практическое сотрудничество с писателями и писательницами в их общей борьбе за художественную книгу для детей? Велет ли Детгиз настоячивую борьбу против проявления лакривности и схематизма? Или в его редакциях до сих пор вмето хождение схоластические представления о детской литературе? Можно ли сказать, что редакторы уже не навязывают установок на упрощенное изображение жизни? Одн из них признал на собрании детских писателей в конце минувшего года: «...Мнение, которое доведет не только над нами, но в большей степени над писателями, это мнение чиновников от педагогики». Не всякий писатель, к сожалению, находит в себе достаточно принципиальности и если не во всем, то в частях подчиняется предвзятым установкам.

Большую роль в верном направлении работы играет творческая среда. Но и в организациях детских писателей нет полного творческого беспокойства. Нерешительна в их критика, совсем слаба самокритика. Есть что-то бесогонно чудное всему содержанию нашей общественной жизни в тех восхвалениях, которыми писатели публично награждают друг друга. Обсуждения порой принимают характер семейных мнений, на которых любезная улыбка ценится дороже искреннего правдолюбия слова. На бюро секция, при обсуждении романа «Над Волгой», можно было услышать такие речи: «Я считаю, что Мария Павловна Прилежева совершила настоящий литературный подвиг. Я не знаю второй такой книги в детской литературе, которая так глубоко вырзалась бы в тему». Так и просятся эти апиталы в сатирическую комедию, разоблачающую приятельскую лесть и полную уюту чувства реальности. Между тем они принадлежат известному писателю Л. Касиялу и адресованы известному писательнице М. Прилежевой, который следовало бы сознавать ответственность за то, что они публично говорят и слушают. «Талант писательницы еще больше расцвет, — расхваливает М. Белозубова Л. Воронкову на обсуждении ее повести. — Прекрасны описания... Замечательно подмечено и выражено...» И дальше уже просто смешно: «Здесь каждая буква индивидуализирована...» В окаянствии этих похвал терпел свою ответственность и те критические замечания, которые высказала М. Белозубова.

Слова «новатор», «новаторство» — самые распространенные на обсуждениях. Л

